

Петров Андрей

2.09.2000

Известия - 2000 - 2 сент. - с. 1, 7

Андрей ПЕТРОВ:

Мне интереснее жить сейчас

«О бедном гусаре замолвите слово», «Жестокий романс», «Я шагаю по Москве», «Гараж», «Служебный роман» — обнаружив название любого из этих (и еще полутора десятков) фильмов в телепрограмме, страна усаживается у экранов. А посмотрев, еще долго напевает, насвистывает, «мурлыкает» музыку, ставшую уже почти народной. Автор ее — всем знакомый и всеми любимый композитор Андрей Петров. Сегодня ему исполняется 70 лет. Самая последняя работа композитора в кино — «Старые клячи».

— К календарным событиям отношусь несколько скептически — жизнь дело не по юбилейным датам, а по периодам работы. Как-то так всю жизнь переходы одного десятилетия в другое были смазаны. Сначала главной была музыка для кино, потом — для музыкального театра, в частности для Кировского... В течение десяти лет там появились четыре спектакля на мою музыку — «Сотворение мира», «Пушкин», «Маяковский» и «Петр Первый». Потом был период симфонической музыки. И ни один из них не совпадал с

круглыми датами — все «поперек». Сказать, что я подхожу к этому дню рождения с чем-то итоговым, не могу.

— И слава богу. Но вы начали работу над музыкой к фильму по «Мастеру и Маргарите». Вообще, считается, что роман «Мастер и Маргарита» мистически влияет на людей, которые обращаются к нему.

— Посмотрим... Действительно, ближайшая работа — музыка к 10-серийному фильму Валерия Бортко «Мастер и Маргарита». Он называется пока «Визит дьявола». У Бортко

своя, по-моему, убедительная и интересная трактовка. Этому роману в кино хронически не везло. Рязанов когда-то хотел снимать фильм в начале 80-х годов, и ему это делать не разрешили. Как не разрешили потом и Элему Климову.

(Окончание на 7-й стр.).

Андрей ПЕТРОВ:

Мне интереснее жить сейчас

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Позже Владимир Васильев снимал фильм «Фуэте» с Екатериной Максимовой в главной роли и предложил мне написать музыку к фильму. Евгений Колобов даже начал записывать ее с оркестром. Но я почувствовал, что не получается, извинился перед Васильевым и отказался... Но идея романа уже «не отпустила» меня, не давала покоя. Решил, что все-таки буду писать музыку. И получилась симфония-фантазия. Она хорошо исполнилась, а на премьере был Борис Эйфман. Ему понравилось, и он решил поставить балет в своем театре. Балет увидел Георгий Товстоногов. «У меня на столе лежат 20 инсценировок «Мастера и Маргариты», но все они мне не нравятся. Когда я посмотрел балет Эйфмана, подумал — а почему не попробо-

вать соединить балет Мариинского театра и моих артистов. Хочу попробовать поставить такой «синтетический» спектакль в БДТ», — сказал он мне. Но это произошло за несколько месяцев до его кончины. И вот теперь возник Бортко, наконец нашедший деньги для фильма. Он будет показан на НТВ.

— Музыка для кино принесла вам больше чем известность — славу. Как произошел выбор этого пути, насколько я понимаю, очень ранний?

— Решение стать композитором пришло после знаменитого фильма о Штраусе «Большой вальс». В этом есть что-то пророческое — профессия композитора «пришла» ко мне через кино. Я всегда любил кино — оно было для меня своим миром, нравилось мне как жанр. В послевоенные годы появилось много сим-

патичных и неожиданных для советского зрителя трофейных фильмов — американских, французских. Потом «через меня» прошел итальянский неореализм... И оканчивая Ленинградскую консерваторию, я мечтал написать музыку к фильму.

— Мечта сбылась практически мгновенно.

— О, это был просто подарок судьбы. Первый фильм — «Человек-амфибия». Такой фильм — счастье для композитора! Там и бытовая музыка, и любовная, и танцы, и песни... Можно и нужно было попробовать себя в разных жанрах. И я втянулся. Работа в кино — общение с другим творческим миром, что всегда интересно. Все-таки мир музыкантов имеет свою специфику и даже некоторую ограниченность. Людей разносторонне образованных среди нас меньше, неже-

ли в литературной, «сценарной» среде.

— Когда вы начинаете работу над музыкой для нового фильма, вы сначала продумываете некий «стержень» или, напротив, «обрамление»?

— Как когда. Но к чему я с годами пришел, так это к тому, что у каждой картины должна быть «визитная карточка». Только одна — и легко запоминающаяся. И ее поиск — самое трудное. Яркость и свежесть мелодического материала нужно «свести» с простотой.

— После «Человека-амфибии» началась ваша работа с Георгием Данелией. С ним вы сделали картины «Путь к причалу» и «Я шагаю по Москве». Но самый долгий и плодотворный роман у вас с Эльдаром Рязановым — 13 фильмов.

— Стилистика его фильмов, эстетика его творчества близка мне. Эльдар снимает фильмы — и

сознательно — для максимально широкого круга зрителей. Это не «интеллектуальное», не «экспериментальное» кино. Но в нем порой «всплывает» легкая инфернальность. С Рязановым удивительно приятно и легко общаться. Это очень важно — человеческие симпатии к тому, с кем работаешь. Я ни в коем случае не хочу сказать, что Данелия мне не нравится. Просто он так точно всегда представляет себе, какая должна быть музыка, что нужно попасть в его видение. Это невероятно трудно. У меня в «Я шагаю по Москве» было по 15 вариантов мелодий. С Эльдаром все ясно и прозрачно — он прислушивается к мнению композитора, соглашается с ним.

— Как складываются ваши профессиональные отношения с дочерью? Первый опыт совместного творчества в «Петербургских

тайнах» оказался удачным. Продолжение следует?

— Пока не знаю. Ольга с консерваторских лет относилась к тому, что я делаю, я бы сказал, с уважительной иронией. Она совсем другая — увлеклась сначала атональной музыкой — нововенской школой, потом рок-музыкой. Позже у нее был «индийский» период. И наконец — детская музыка. Опера «Винни-Пух», балет «Гадкий утенок»... Работать над музыкой к «Петербургским тайнам» было удобно — мы имели опыт работы в кино поодиночке, так что не мешали друг другу.

— Вам интереснее жить сейчас или 20—30 лет назад?

— Сейчас. Жаль только, что поздновато. Но все равно мне интересно.

Юлия КАНТОР,
Санкт-Петербург